

ОДНА ИЗ ЗАТЕРЯННЫХ МОГИЛ

В январе исполнилось 75 лет со дня смерти одного из русских юношей, замученных случайностью, судьбой или самим собой, - не все ли равно? - одного из тех, кто в своих стихах выразил переживаемое тогда многими, был ли он поэтом или просто сумел выразить общее многим - достаточно звучно и убедительно.

В юбилейных поминках есть справедливость. По отношению ко многим другим, подобным ему, - с подобной судьбой.

Полежаев не принадлежит ни к какой плеяде, ни к какому кружку, - стоял вне традиций и общего русла. Эта его "случайность" - непричастность к литературным группам - обусловлена была, разумеется, его судьбой, но коренилась и в свойстве его личности. Есть несомненная зависимость его судьбы от его личности, самая судьба не была одной случайностью, он был не только жертвой политического порядка. Но и его личность, и судьба, и связь между ними - все замечательно, и все еще мало затронуто по существу, хотя жизнь его была рассказана не раз. Напомню, прежде всего, об этой мрачной повести - из не очень давнего прошлого - забывчивому русскому читателю. Полежаев, незаконный сын пензенского помещика и дворовой девушки - может быть, от отца своего, которого судили чуть ли не за крепостнические неистовства - унаследовал ненасытные страсти. При вступлении на престол Николая Павловича, когда подавлялись декабристы, и повсюду, казалось, бродили их злонамеренные тени, Полежаев - студент московского университета - вел довольно бурную жизнь, но в политическом отношении проявлял вольнодумство на словах. "Бурность" его, которая очень популярна, выражалась, по-видимому, в попойках и половом невоздержании - то, что называют кутежами. Эта жизнь, со всем кругом ее не вполне пристойных интересов, отразилась в шуточном рассказе в стихах - "Сашка", - и, судя по утаенным за цензурными многоточиями стихам - при всей ее "бурности" и "ненасытности страстей" была очень наивным "развратом", совершенно не демоническим и ничему не угрожающим. Но правительство боролось, по выражению государя, со "следами", последними остатками "того общего разврата", который должен быть искоренен - во избежание всяких признаков революции. Однажды ночью, около 3 часов, когда Полежаев мирно спал в своей постели, ректор внезапно разбудил его, велел одеться, осмотрел, - в порядке ли его костюм - затем передал в руки попечителя, который посадил его в карету и повез к министру - старинному адмиралу Шишкову; Шишков пересадил его в свою карету и повез во дворец. Настало уже утро, но еще очень раннее - 6-й час. Злоумышленник был введен в кабинет государя, который передал ему его преступную поэму ("Сашку") и велел читать вслух. Поэт сделала попытку отказаться; государь заставил. Во время чтения он делал жесты рукой, глядя на Шишкова; Шишков закрывал глаза от ужаса... "Какого он поведения? - Превосходнейшего, Ваше Величество. - "Этот отзыв тебя спас, но наказать тебя надо для примера другим. Я тебе даю военной службой средство очиститься". И затем, подойдя к Полежаеву и положив ему руку на

плечо, государь поцеловал его в лоб и сказал, что от него самого зависит его судьба, и что он может ему писать. Герцен, записавший эту сцену со слов самого Полежаева, добавляет: "Я десять раз заставлял Полежаева повторять рассказ о поцелуе, так он мне казался невероятным, - Полежаев клялся, что это правда. Такая же невероятная правда - все дальнейшее - история гибели, длившейся 11 лет: казарменная жизнь, побег из полка - чтобы лично просить государя; разжалование за это своеолие "без выслуги", - полное отчаяние, так как все, даже родные его бросили, - пьянство и начавшаяся чахотка; за несдержаный ответ фельдфебелю - в пьяном виде - кандалы; потом перерыв - четыре года свободы на Кавказской войне, но, по возвращении, опять та же безнадежная солдатская лямка - еще с одним коротким перерывом; мгновенная (всего в течение 15 дней) любовь к шестнадцатилетней девочке - Бибиковой, отец которой встретился с ним где-то, принял в нем участие и взял его к себе на поруки - в Ильинское.

Девочка отнеслась к нему с понятной восторженной жалостью, он смотрел на нее, как на чистое существо, призванное очистить его от страстей. Они были влюблены и мечтали о браке: отец поспешил расстроить возможную свадьбу. Отправившись в свои казармы, Полежаев не доехал до них: опять "ненасытные страсти", разгул... "Для бедной Тани все были жребии равны", а Полежаев умер через несколько лет от вина и чахотки. Когда он уже умирал, его произвели в офицеры и велели похоронить в офицерском мундире; когда его пришли одевать в этот мундир, то оказалось, что в мертвцецкой ему отъели ногу крысы... Его похоронили в совершенной бревенности, никто не посещал его могилы, и она потерялась.

Не жизнь, а какое-то издевательство судьбы! Но не так просто понял ее сам поэт. Его стихотворения проникнуты духом тоски, отчаяния и негодования... Такая жизнь, выраженная в поэзии, есть сама по себе повод для поэтического пессимизма. Но Поэзия Полежаева была не только отражением его мрачной судьбы, - его пессимизм имел и иное значение - независимо от его общественно-исторического смысла.

Полежаев был несомненный поэт, но поэт не только не уравновешенный (что, может быть, не так худо), но, по-видимому, несколько ограниченный в своих поэтических средствах, возможно, что в темах. Разумеется, тюремные условия не дали развиться таланту, но есть данные предполагать, что эти условия усилили и некоторые органические свойства его поэзии. Что касается поэтических средств, то мы не найдем у Полежаева ни интимности, ни пейзажа, не было в его звуках в то же время собственно гражданственности. Это поэзия преимущественно вообще - идеальная, но и не в смысле философских формул или даже философских исканий, но в смысле нравственных и отчасти лишь религиозных переживаний. муки совести, вызванные размышлениями о своей судьбе и причинах, по которым эта судьба слагалась так, а не иначе - основная тема его стихов, - не превратилась у Полежаева в религиозно-философское искание смысла жизни, как у Баратынского... ("о счастии с младенчества тоскуя, все счастьем беден я..."), но замкнулись в области - частью самоанализа, частью покаяния. Все это выражено им не очень стройно,

не всегда образно: в музыке его стихов нет никакой строгости, а зрительных впечатлений они почти не дают, но всегда высказаны языком страстным, внушительным, иногда очень сильным (при всей его риторичности), наконец, если не прямо певучим, то в особенном - раздраженном патетическом ритме. Изящен ли этот ритм? Нет. Убедителен ли? Да. - но больше всего трогателен, не по своей искренности лишь, вообще, но по особой искренности, - покаяния. Самоанализ Полежаева не глубок и интересен, скорее, как "документ", чем художественно, но покаяние составляет душу и силу его поэзии и высказывается в своеобразном и энергичном ритме.

Это полежаевское покаяние обусловлено прежде всего сложившейся судьбой. Она дает ему повод вникнуть в самого себя, задуматься над своим собственным существом: не в нем ли самом - "трагическая вина"? Он как будто хочет быть безнравственным к своей судьбе и пытается обвинить себя, обвинить до конца. Идя этим путем, он начинает с самоанализа и то ожесточенно винит себя, то негодует на людей и обстоятельства, то впадает, наконец, в отчаяние и твердит о самоубийстве. Если бы Полежаев не обратился внутрь самого себя, то мы имели бы в его поэтическом пессимизме как раз отражение его судьбы и только, но он сам углубил эту тему, данную самой его ужасной жизнью, с каким-то буйным самоотвержением, - и тем придал ей общее значение. Он думает вот о чем: может быть, "вина" - не во внешних условиях только, если судьба слагается так исключительно бессмысленно и мрачно, - а также и в нем самом, - может быть, даже вовсе не во внешних условиях, а именно в нем самом, тогда в чем же именно? Чем он виновен? И отвечал себе двояко: один ответ религиозного порядка был первый, явившийся его поэтическому сознанию, другой - порядка общенравственного; на этом втором он и должен был остановиться, потому что этот второй был правдивее. Полежаев же хотел правды перед самим собой, и в этом основной мотив его внутреннего мучительства, в этом его значение. Мы не имеем другого поэта, так мучившегося самобичеванием, кроме Некрасова, которого Полежаев и предсказывает отчасти, - и по психологии, и даже по ритму своих стихов.

Все тягостные обстоятельства личной жизни сложились для мученика-поэта, судя по его самым ранним стихам, прежде всего в образ Рока - едва ли не живого существа, правящего миром, или самой смерти. Описав сонное состояние природы после погасания вечерней зари, он затем говорит (еще в стиле Жуковского):

Все спит. Один свирепый Рок
Чужд мира и покоя
И столько ж страшен и жесток
В тиши, как в вихре боя.
Ни свежей юности красы,
Ни блеск души прекрасной,
Не избегут его косы
Нежданной и ужасной...

И позднее, почти во всех стихотворениях, мы читаем в том или ином виде о том же - сперва в стиле Пушкина, а потом и собственном: - в мире господствует фатальность:

Убитый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей
И угнетен ярмом бесславным
В цветущей юности моей!
Я зрел: надежды луч прощальный
Темнел и гаснул в небесах,
И факел смерти погребальный
С тех пор горит в моих очах!

Собственным языком то же самое высказано в своеобразной песне погибающего пловца, дающей представление о полежаевской музике:

Все чернее
Свод надзвездный,
Все страшнее
Воют бездны!
Глубь без дна!
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

И чем позднее, тем все настойчивее тот же образ "злой рок лишил меня всего... Роком злобным я гоним, гоним, убит..." "Я погибал: мой злобный гений торжествовал..." Что же это за рок? Где его место? Где он вьет свои гнезда?

Полежаев и стал разгадывать свою судьбу в том смысле, что его "рок" - не в стечении внешних условий, и что самые эти условия - наказание, кара, - за что же?

И здесь перед нами вся суть полежаевской лирики и все безумие его мученической доли, всецело ли обусловленной судьбой или нет. Но он сам решил твердо, что его судьба это наказание за преступления - не за те, которые ему поставило в вину правительство и которых в таком виде вовсе и не было ("я перед Государем ни в чем не виноват", - отвтил он Бибикову, когда тот уговаривал его раскаяться и вымолить прощенье), - но за преступление собственной совести:

О, для чего судьба меня сгубила?
Зачем из цепи бытия
Меня навек природа исключила,
И страшно вживе умер я?
Еще в груди моей бунтует пламень
Неугасаемых страстей,
А совесть, как врага заклятый камень,

Гнетет отверженца людей!
Еще мой взор, блуждающий, но быстрый,
Порою к небу устремлен,
А божества святой отрадной искры,
Надежды с верой я лишен!
И дышит все в создании любовью,
И живы червь и прах, и лист,
А я, злодей, как Авелевой кровью
Запечатлен! Я атеист!..

В твком сознании выразился первый результат самоанализа и первый порыв покаяния - и тот, и другой носят характер не только поразительной откровенности, но и необузданности признания, заключая в себе нечто карамазовское - от Ивана Карамазова или от Дмитрия. В других, позднейших стихотворения эта характеристика самого себя только варьируется: "Судьба сгубила" за атеизм, но наряду с этим была и другая вина:

Еще в груди моей бунтует пламень
Неугасаемых страстей.

Отреченье от страстей и становится главной темой самобичевания, причем одна тема переходит в другую. Поэт каётся в том, что он отрекается от Бога, и в то же время говорит, что Бог отвергнул его именно за служение "неугасаемым страстям". Он хочет верить в Бога, он верит в Него, он хочет вернуться к Нему, он сознает свое отвержение за то, что он предался страстям:

Что же? Страсти ненасытные
Я таил среди огня! -

вот "трагическая вина". Поэт предался им и тем самым ушел от Бога, стал атеистом и потому гибнет, - его гибель ужасна, но справедлива; единственный выход - самоубийство, но он, как все самоубийцы, думает, что для этого нужна сильная воля, и падает еще ниже от сознанья своего бессилия:

Убитый роком своим, свою нравственность,
Я вяну жертвою страстей
.....
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мне:
С снедающей меня могилой
Борюсь как будто бы во сне;
Стремлюсь в жару ожесточенья
Мои оковы раздробить...
.....
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь.
Уже рассудок мой смущенный
Забыл и горе, и печаль...
Готов... Но цепь поработенья

Гремит на скованных ногах.
И замирает стать отмщенья
В холодных, трепетных руках!..

Цепи в его поэтическом, покаянном сознании оказывались цепями внутренними, как у Алеко, который ведь тоже хотел жить...

...не признавая власти
Судьбы коварной и слепой,
Но, Боже, как играли страсти
Его послушною душой!

Полежаев сознавал свою ненасытимую внутреннюю бурность, которую он ничем не мог охладить. Пусть он пострадал по нелепой и безобразной случайности, - он думал, в истерике и в слезах раскаянья, что он сам во всем виновен:

Что же? страсти ненасытные
Я таил среди огня!

И вся его поэзия превратилась в карамазовское покаянье между оргиями, монастырем, отрицанием Бога и кандалами, которые он обливал слезами и считал заслуженными.

Называя свой век "мятежным", себя виновным и "отмщенным ужасной местью", он открывает свою душу - внутренне-фатальную - в таких формулах и образах:

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел...
Не розы светлого Пафоса,
Не ласки гурьи в тишине,
Не искры яхонта в вине, -
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне...

Так, наверное, преувеличивал он в отчаянии, в покаянии, в исступлении, но смысл этих стихов достаточно убедителен, если и снять все преувеличения; в последующих словах того же стихотворения он говорит о себе покойнее то же самое:

Мои утраченные годы
Текли, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илистой земли.

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон...

Доходя в своем исступлении до такого самобичевания, что был способен признать ненужную жестокость правительственной власти "праведным законом", он определяет свое назначение в том, что он рожден был "гореть погребальным факелом в ночном безмолвии".

...где может быть суповой доле
Я чем-то свыше облечеи,
Где я страстями заклеймен...

Впечатления кавказской природы и походной жизни не вызывали в нем своеобразных поэтических порывов, его поэмы, писанные там, холодны и бледны; виденное и пережитое там не затронуло его в той глубине, в которой билась его вещая тоска по святости и неудержимое, такое же, как страсти, раскаянье в грехе. Но любовь или влюбленность в невинное и нежное женское существо, почти ребенка, взволновала его и снова пробудила покаяние. "Черные глаза", посвященные ей, - одна из лучших его пьес, заключает в себе ту же, родную его тему:

О грустно мне!.. Вся жизнь моя - гроза!
Наскучил я обителью земною!
Зачем же вы горите предо мною,
Как райские лучи пред сатаною,
Вы - черные волшебные глаза?

.....
Увы! давно печален, равнодушен,
Я привыкал к лихой моей судьбе,
Неистовый, безжалостный к себе,
Презрел ее в отчаянной борьбе
И гордо был несчастию послужен!..
Старинный раб мучительных страстей,
Я испытал их бремя роковое;
И буйный дух, и сердце огневое -
Я все убил в обманчивом покое,
Как лютый враг покоя и людей!
В моей тоске, в неволе безотрадной
Я не страдал, как робкая жена:
Меня несла противная волна...

Смысл этих стихов тот же, без сомнения, до однообразия, но по стилю стихотворение тоньше прежних, а последние строки прекрасны безотносительно. Талант его явно развивался, несмотря на все условия. Однако с этого времени начинается и видимый упадок таланта: "ненасытные страсти", обостренные условиями, победили. Что касается собственно стилистических "исканий", то одной из характерных подробностей в собрании его стихотворений являются опыты в народном стиле - подобным

кольцовскому - иногда очень удачные. Можно думать, что именно эту манеру Полежаев впоследствии развил бы, как ему присущую, потому что основной лирический мотив его - страсть и покаяние - в остроте их взаимного напряжения - звучит как нечто народное - органическое "арамазовское". Последним годам принадлежит "Узник" и "Песня" - совсем кольцовского или некрасовского тона:

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная... и пр.

В стилистическом смысле замечательна и "Цыганка", очень популярная, написанная в стиле народной песни, но звучащая как-то народно, также по-арамазовски народно. Это - та "грешница", о которой Полежаев впоследствии говорил совсем в ином тоне, именно в тоне покаяния; здесь же это обаяние греха, тянувшего к себе неодолимыми видениями:

Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красотою
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..

.....
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!

Так манили его к себе не только райские лучи, сверкавшие в его душу из невинных детских глаз, но и грех - так переживал он вечное колебание между грехом и святостью. Это его органичность и народность. Он считал себя и великим грешником, и простирая руки к людям за прощающей любовью, хотел райских лучей и тянулся к греху, но был кроток в своей человеческой гречной беспомощности, несмотря на все буйство, неистовство, страсти и грех. Потому-то из всех образов всемирной литературы, которыми он интересовался и отражения которых в его поэзии всегда неярки, далеки от его души, один только ему удалось передать с незабываемой простотой и краткостью и с такой внутренне силой, как будто он говорит о самом себе - это образ евангельской грешницы, и эти слова Христа - прямо в точном евангельском стиле:

Итак - и я твоей души
Не осужу, - сказал Спаситель, -
Иди в свой дом и не греши!

"Грешница" - почти предсмертное стихотворение, но такого прощения он ждал всю жизнь. И хочется сопоставить по страшному внутреннему противоречию их, - эти евангельские стихи - с последними стихами, написанными им чуть ли не накануне смерти, чтобы расстаться с поэтом страстей и покаяния - в чувстве той прощающей любви к нему, которой он всю жизнь так безнадежно прождал: он ждал прощающей любви и устал ждать, и тогда позвал в изнеможенье "бутыльным звоном" "роковую" болезнь - опять рок!, - взглянувшую ему пристально в глаза и не оторвавшую уже от него своих глаз, - вот его последний рассказ об этой последней встрече:

.....
С уничтожением рассудка,
В нелепом вихре бытия
Законов мозга и желудка
Не различал во мраке я.
Я спал душой изнеможенной,
Никто мне бед не предрекал -
И сам, как раб, ума лишенный,
Точил на грудь свою кинжал;
Потом проснулся... но уж поздно...
Заря по тучам разлилась -
Завеса будущности грозной
Передо мной разодралась...
И что ж? Чахотка роковая
В глаза мне пристально глядит,
И, бледный лик свой искажая,
Мне, слышу, хрипло говорит:
"Мой милый друг, бутыльным звоном
Ты звал давно меня к себе;
Итак, являюсь я с поклоном,
Дай уголок своей рабе!..

Правительство преследовало, но люди-братья прошли мимо и даже нет пришли на могилу...